В. Леонтьев

ПОДНОГОТНАЯ

Музыка идет фоном: "Ты молчишь" — песня Леонтьева, голос... другой. Оказывается, студийная запись Богдановича, Валера, как говорит хозяин дома, разрешил. А вот и сам Леонтьев — очень узнаваем на одной из картин.
— Ты что будешь пить? — интересуется у меня Саша. — Есть вино, водка, виски, текила.
— Да все, что горит, — легкомысленно отвечаю я.
— Ты есть хочешь? Я сейчас котлеты пожарю.
— Не хочу котлет, — капризничаю я, — правду хочу.
— Хочешь — будет.

НУ, И ЧТО ЖЕ ТЫ МОЛЧИШЬ!?

с 1-й стр.

Два больших бокала на пару вмещают в себя бутылку "Хванчкары"..

— Слушай, как же у тебя хорошо, — искренне говорю я, — ты, случайно, платные услуги дизайна не оказываешь?

— Зачем платные? Я и так могу. Давай посмотрим твою квартиру и сделаем. Вот, например, пол — видишь, мраморные плиты по краям отделаны прессованным бамбуком — он никогда не будет проседать или скрипеть. Я мрамор неделю пилил — все руки были в кровавых мозолях.

— Валера у тебя бывает?

— Ну, был пару раз, с Люсей вместе заезжали. (Людмила Исакович — жена Леонтьева. — **Авт.**) Мой собеседник по ходу дела продолжает накрывать на стол, а я завистливо размышляю, какими же иногда бывают аккуратными и хозяйственными некоторые мужчины: и посуда у них оттерта до блеска — ни пятнышка, и разные бумажные полотенца для всяческих целей имеются.

— А что еще ты умеешь делать по дому?

— Все. Отлично готовлю. Закончил после армии кулинарный техникум, в ресторане работал. Сможешь, например, настоящий узбекский плов сделать? Яйца всмятку — и те не всегда получаются? Могу показать, кто на рижском рынке торгует яйцами с двумя желтками.Они вкуснее.

— А еще ты где-нибудь учился?

— В медицинском, но не закончил. Профессионально умею массаж делать, не тот, что нынче в моде — всякий там тайский, а проще говоря, эротический... Нет, эротический я тоже умею. Но и настоящий могу — лечебный, спортивный. Психологией занимался. Знаю испанский, английский, украинский. Польский знал, но подзабыл. Слышишь, песня звучит — "Дикий мед"? Это — моя, с нового диска "Людям даны сердца, чтобы любить", знаешь, как это будет по-испански? Мой собеседник переходит на иностранный язык, к сожалению, его знания остаются неоцененными, я испанского не знаю.

— У Валеры ты — штатный массажист?

— Ты что? Нет, конечно! Уже давно у него не работаю. Я пришел в 93-м году, тогда у Валеры половина коллектива осталась в Америке и были проблемы со здоровьем — защемление позвонков, мениск, он почти не мог ходить, очень сложный был период, потом, слава Богу, все наладилось. И я действительно тогда работал у него массажистом, потом охранником. Потом с Ириной Понаровской некоторое время сотрудничал и вот уже два года как делаю сольную карьеру.

— Ну и как, удачно?

— До всероссийской популярности далеко, но я учусь, беру уроки вокала, вот уже второй диск записал, клип снял на "Дикий мед...", посмотришь? Смотрю. Нормальный клип, заводной. И музыка прикольная, правда, забавная песенка.

— Помнишь, как с Валерой познакомился?

— Ну, еще бы! Коллектив уезжал на гастроли, вечер, метель! Валера идет в кольце милиции по платформе в своем волчьем полушубке, такой же волчьей шапке и волчьих унтах... Боже, как же это все воняло мехом! Следом поклонники стеной, на окнах вагона виснут, ужас. Я дождался, пока он в купе вошел, следом захожу, сажусь напротив, говорю: "Я ваш новый массажист" и сумку решительно под сиденье заталкиваю. Валера кивает, достает книгу и начинает читать. Так и сидим — он читает, я демонстрирую, что не уйду.

— И не ушел. Понятно. С тех пор вы и вместе.

— Ну, в общем-то да.

Мы чокаемся и с удовольствием пьем вино.

— Подожди, — вдруг говорит он, — что значит "вы вместе"? Ты что в это понятие вкладываешь?

— У тебя хотела спросить, тебе лучше знать.

— Слушай, ты это... Желтой прессы начиталась...

— А кто ей "сливает"?

— Клянусь, не я.

— А почему у тебя тогда среди Валериного окружения прозвище Мистер Компромат?

— Они ревнуют меня просто! Они же все старые друзья, по тридцать лет с Валерой рядом. А я?

— А ты — молодой да ранний. Понятно, есть к кому ревновать!

Мы смотрим друг другу прямо в глаза, а затем оба начинаем хохотать.

— Ну, да, Валера меня иногда больше слушает, чем их, — соглашается Саша. — Я лучше знаю день сегодняшний, какая мода на музыку, на новости, чем живет Интернет. И Валера со мной тоже в нынешнем веке, а они — в прошлом. Но он, знаешь, очень умный, всех выслушает, а сделает все равно по-своему.

— То есть он со всеми держит дистанцию?

— Да. Со всеми.

— И с Люсей

— В меньшей степени, но тоже держит.

— И с тобой?

— Слушай, ну хватит. Ну, держит, конечно, держит, еще какую. Давай пить и музыку слушать. А хочешь, я поставлю на видео тот показ дизайнера Шиянова, когда Валера моделью работал? Пьем. Смотрим показ.

— Вот я, на том подиуме работаю. Как, ничего?

— Да, вполне. Я у тебя по квартире погуляю?

— Гуляй, конечно.

Нет, мне действительно нравится его дом. Белозолотые тона настраивают на безмятежный лад. Я лично не люблю объемных картин в доме, но эти, в стиле импрессионизма, очень хороши.

— Вот две написаны по сюжету "Мастера и Маргариты", я увидел их на вернисаже и уговорил продать, — комментирует хозяин. Напротив спальни в стиле Боттичелли другая картина во весь стенной проем. Юный обнаженный греческий бог смахивает на одну российскую звезду.

— Валера позировал или по фотографиям писали?

— Это — не Валера, это — я, с меня рисовали.

— Что ты говоришь?! Впечатление складывается другое. Ну да ладно. Кто здесь у тебя на фото, расскажи.

— Это — родители, мама у меня уже умерла, только отец жив. Вот — брат, погиб, когда ему было всего 25 лет, автокатастрофа, вот я с женой. Этот снимок с Валерой, нравится? Заходи в спальню, не стесняйся.

Боже мой, моя розовая мечта! Чтобы в спальне была лишь всегда готовая принять тебя в свои объятия расстеленная кровать и больше ничего!

— Там у меня хозблок и все, маленькая квартира, но я же один живу, куда больше?

— О, джакузи и биде есть, и пол теплый, а сколько склянок! Ну, с ума сойти! Слушай, ты все говоришь — Интернет, где компьютер?

Хозяин в недоумении разводит руками:

— Знаешь, скверная история случилась. Я очень гостеприимный человек, у меня всегда народу в доме, иногда по двадцать человек ночь напролет гуляют. Ну и вот на днях так погуляли, я утром встал, а ноутбука нет, один модем. Кто-то просто положил в сумку и ушел. Кто — не знаю, ну как я могу на кого-то подумать, все же свои были, знакомые. Валера еще даже не знает об этом.

— А зачем ему знать, это что — его был?

— Откуда в моем доме могут быть его вещи? Не знает, что со мной по Сети нельзя связаться. Возвращаемся к оставленным на столе бокалам. На экране тем временем уже Майами — фрагменты домашних съемок.

— Ты снимал?

— Да. Видишь, как удачно?

— Вижу. А чего он тебя в Майами таскает?

— Так он все свое окружение время от времени приглашает — то на день рождения, то на Новый год — меня, что ли, одного? Просто другим визу не дают, а у меня многократная.

— А с концертов почему вместе уезжаете?

— Живем по соседству, жалко подкинуть меня?

— А зачем ты с ним по гастролям ездишь?

— Слушай, мы с тобой на гастролях и познакомились. Вот ты зачем ездила?

— Я работала на свою газету. А ты давно не в его коллективе.

— Другие его друзья тоже ездят, и они тоже не в коллективе, хочется же пообщаться?

— Другие же не всегда...

— Так я тоже не всегда. Он вон в Омске, а я здесь.

— Вы что, так сильно поругались?

— Что? Да мы вообще не ругались! С чего ты взяла? У меня просто выступления в это время.

— У тебя чего?

— Выступления... Слушай, ты меня что, нахлебником считаешь? Ну вот кто ты после этого?! Я работаю! Я по клубам выступаю! За это хорошо платят. У меня всегда были деньги. Еще когда в ресторане работал, он на трассе стоял, по которой проезжала масса иностранных туристов, и там деньги рекой текли. Потом золотом торговал, икрой, в Аргентину ездил. Я к Валере пришел уже обеспеченным человеком, одет был с иголочки. Какие у меня были казаки аргентинские! Нигде сейчас такие не могу найти. Какая курточка замшевая! У него такой не было... Когда с Понаровской работал, квартиру себе вот эту купил. А сейчас у меня контракт по Западной Украине, по клубам тамошним. Хотя, знаешь, здесь не нравится, что пою на украинском, а там говорят — москаль! Я тебе съемку покажу, как в московских казино выступаю, чтобы не сомневалась.

— Да я и не сомневаюсь, что ты завелся, просто слов твоих не расслышала за музыкой.

Еще одна бутылка, разливаясь по бокалам, пытается сгладить возникшее напряжение. Пьем.

— Почему ты на украинском поешь?

— Так я же родом из Ивано-Франковска. Между прочим, оттуда же и Люся.

— Намекаешь на что-то? Нет? Кстати, а дети у Валеры есть? Ну, были же разные связи и помимо Люси...

— Да какие они дети! Если и есть, уже выросли давно. А однажды к Валере приходил человек, по профессии летчик, заявил, что это он — его настоящий отец, а не Яков, который его вырастил.

— Врал, наверное.

— Генную экспертизу предлагал сделать. Валера его выгнал.

— Опять компромат сливаешь? Валера мне рассказывал, что он — поздний ребенок от второго брака и что его сводные сестры были уже взрослыми, когда он родился. Лучше расскажи, что за любовь была, из-за которой он пытался свести счеты с жизнью?

По словам Богдановича, у Алины был красивый роман с красивым певцом.

В этой девушке Александр сразу опознал свою дочь.

— Это Миша Герцман тебе разболтал? А еще меня "сливом" называют... Очень давно это было. Она была пианистка, у нее муж имелся, ребенок, кажется...

— А с другими звездами романы у него были, ну, там, с Вайкуле, с Аллегровой?

— Это ты у Валеры спроси.

— Я что, похожа на сумасшедшую?

— С Пугачевой точно не было. Зато с Аллой была другая история, очень потешная. Они вместе летели из Майами — Валера, Алла и Коля Басков был. А Люся подарила Валере эту дурацкую американскую игрушку — подушку-пердушку. Так Басков взял ее и Алле в аэропорту на кресло подложил. А эта подушка, она не издала неприличный звук, нет, она разорвалась, да с таким треском! Ты бы слышала, как орала Алла! "Коля!!! Ты что, идиот?!" А Валера так спокойно говорит Баскову: "Ты мне должен 20 баксов. Ладно, 3.99".

— Да, забавная история. Слушай, не могу понять, жесткий он человек или мягкий? Иногда кажется, веревки можно вить, а иногда — как на стену налетаешь...

— Мягкий. Люся — жесткая.

— Значит, верховодит?

— Нет, ты даже это в голову не бери. Над ним никто не верховодит, он сам себе господин. Я не правильно выразился, он — не мягкий, он просто страшно ранимый. Иногда слово какое-то неудачное скажешь — и все, он уже напрягся.

— Говоришь, ранимый, а сам желтую прессу подкармливаешь слухами о нем.

— Слушай, ну я простой человек, открытый. Подходят люди, улыбаются, что-то спрашивают. Я отвечаю, потом смотрю в газету. А там! Все с ног на голову перевернуто, переврано. Ужас.

— Тебе ужас? А ему?

— А он что, видит эти публикации? Нет, находятся добрые люди, приносят, показывают. Иногда поклонники в букеты с цветами газеты вкладывают. Но если он сразу не прочитал, я обычно говорю чуть позже: "Валера, давай камин, что ли, разожжем?" А потом раз — и потерялась газетка.

— Да, добрая ты душа. А помолчать было бы не проще? Зачем ты, например, сказал, что он уходит со сцены?

— Клянусь тебе, не говорил я этого! Никуда он не уходит, ну ты же сама знаешь! Какие аншлаги в Москве были, разве от такого можно уйти?

Разговор перебивается телефонным звонком. Из разговора понимаю, что моего собеседника прямо сейчас, в пятом часу ночи, приглашают куда-то на вечеринку.

— Хочешь, за город поедем, — прикрывая трубку рукой, предлагает он, — там весело будет, травки курнем.

Я отказываюсь, и Саша отвергает предложение.

— И чего ты не захотела? — искренне удивляется он, возвращаясь к столу, — потусили бы. Там хорошие люди звали. Я люблю гулять.

— Да я курить не умею, только если кальян...

— Я тоже, если ты заметила, не курю.

— Заметила. А травку бывает, пользуешь?

— Редко очень.

— А Валера?

— Да он к траве вообще равнодушен.

— А чем расслабляется? При таком графике работы и при такой отдаче на концертах с крыши можно поехать.

— Вино красное пьет, причем грузинское, молдавское или в идеале — домашнего изготовления. И очень быстро восстанавливается. День, ну другой, и снова в форме.

— А откуда вино домашнее?

— Поклонница его старая привозит, ты ее знаешь, которая Амалия, он еще Аномалией ее зовет. Она еще чебуреки такие вкусные готовит, пальчики оближешь! Вот в этот раз привезла, а их все без Валеры сожрали, он потом так ругался. Кричал: "Где чебуреки? В морозилке лежали!"

Третья бутылка меняет место дислокации, отправляясь в бокалы.

— Давай все-таки итоги подобьем, а то сейчас еще хлопнем и вообще лыка не свяжем. Так почему тебя называют незаконнорожденным сыном Леонтьева?

— А может быть, я и есть его сын? Да я готов хоть сейчас экспертизу сделать...

— Я не спрашиваю, на что ты готов, я спрашиваю, откуда пошла такая легенда?

— Ну... Фамилия просто у нас одинаковая. Хочешь, паспорт покажу?

В обоих красных книжечках — заграничной и отечественной — в графе "фамилия" действительно стоит "Леонтьев".

— Откуда фамилия, денег в ЗАГСе дал?

— Да нет. Жена у меня просто была. По фамилии Леонтьева. Ну, я когда к Валере пришел, решил ее фамилию взять, забавно же.

— И у тебя была жена? А что развелся?

— Да она была фанатка Валеры! Как жить-то?

— Высокие отношения... Значит, ты — гетеросексуал?

— Слушай, ну как тебе не стыдно? У меня внуки уже!

— Какие внуки? Тебе лет-то сколько?

— 37.

— И когда же ты женился, разводился?

— У меня ребенок не от жены. Сам узнал недавно, в Ивано-Франковске жил с женщиной — Галкой, потом жизнь развела. А год назад приезжает женщина молоденькая, девятнадцать лет — ее дочь. Ну, как оказалось, и моя тоже. Никаких сомнений. Я помог ей устроиться в Москве, а потом у нее родилась дочь. Так что я — счастливый дед.

— Понятно. Как внучку-то зовут?

— Ой... Не знаю.

— Ясно. Давай с последним разберемся. Так ты — Валере друг?

— Ну, как ты сама думаешь? Мы столько лет вместе работали!

— Близкий?

— Хотело бы верить, но не мне одному на этот вопрос отвечать.

— А что насчет "весьма"?

— Однозначно нет. Если речь идет о сомнительном смысле этого слова.

Он уговаривал меня остаться переночевать:

— Ну куда ты поедешь? Это просто опасно, в конце концов!

Я отнекивалась, ссылаясь на семейное положение:

— А потом, у тебя же кровать пусть и двуспальная, но одна. Ты-то куда ляжешь?

Похоже, этот вопрос его удивил:

— Ну, если тебя что-то смущает, лягу в гостиной.

— Ты мне лучше скажи, чего Валера не любит больше всего? — спросила я напоследок.

— Не любит? — задумался он. — Пожалуй, когда врут и выдают себя не за того, кем являются на самом деле.

Татьяна ФЕДОТКИНА.